

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРАГО КАВАЛЕРИСТА.

ВЪ СОРОКОВЫХЪ годахъ я служилъ въ А. гусарскомъ полку, въ то время квартировавшемъ въ военномъ поселеніи Х. губерніи. Отвратительнѣ этой стоянки нельзя ничего себѣ представить. Бѣлые, выстроенные подъ ранжиръ, домики съ красными кирпичными заборами, отсутствіе холостыхъ построекъ, необходимыхъ для хозяйства какъ-то: амбаровъ, хлѣвовъ, конюшенъ и пр. дѣлали домики похожими на какіе-то этапные пункты, глядѣвшіе казематами. Среди деревни, на самомъ видномъ мѣстѣ, красовался «Комитетъ» — домъ, въ которомъ помѣщалось нѣчто въ родѣ волостнаго правленія. Въмѣсто выборнаго старшины, какъ это водится между крестьянами, въ комитетѣ распоряжались поселенный вахмистръ и писарь. Крестьяне очень боялись комитета, гдѣ съ ними всегда совершалась расправа самая короткая: вахмистръ прикажетъ высѣчь и дѣлу конецъ; ни суда, ни слѣдствія, ни мирскаго приговора. Всѣ деревни были раздѣлены на округа и волости. Первыми командовали штабъ-офицеры, а вторыми оберъ-офицеры, числившіеся по кавалеріи. Въ деревняхъ было все мертво, жизнь отсутствовала. Иногда по улицѣ робко шель какой-нибудь человѣкъ, не то мужикъ, не то инвалидный солдатъ, не то арестантъ; лицо его смотрѣло угрюмо, непривѣтливо, точно у каторжника. Вообще аракеевскимъ наслѣдіемъ никто не былъ доволенъ. Всѣ проклинали это мертвящее учрежденіе, не доставлявшее никому пользы: ни казнѣ, ни поселянамъ. Мужикъ работалъ только изъ-подъ палки, боялся быть позванымъ въ «Комитетъ», о хозяйствѣ не заботился,

апатично отбывая паншину. Вотъ среди какой обстановки приходилось жить офицерамъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, если ихъ времяпровожденіе заключалось только въ картахъ и пьянствѣ, а для разнообразія устраивались и дуэли. Службы субалтернъ-офицеры въ эскадронахъ не несли никакой. Всѣмъ распоряжался эскадронный командиръ, а еще больше вахмистръ. Тогда въ манежѣ назначалась по-смѣнно: унтеръ-офицеры, старые солдаты и рекруты. Въ полномъ составѣ эскадронное ученіе назначалось рѣдко. Я былъ назначенъ въ 6-й эскадронъ, которымъ командовалъ старый гусарь, шведъ, ротмистръ М. Субалтернъ-офицеры, мои товарищи, были поручикъ Н., корнетъ Э. и корнетъ М. З., незадолго прибывшій изъ Петербурга. Наше время тянулось съ величайшимъ однообразіемъ. Можно смѣло сказать, что одинъ день походилъ на другой, какъ двѣ капли воды. Утромъ отъ нечего дѣлать идемъ (не по службѣ) въ манежъ смотрѣть смѣны. Изъ манежа отправляемся на квартиру эскадроннаго командира. Тамъ на столѣ уже приготовлены кильки, доставленные полковымъ маркизантомъ Мошкой, ветчина туземнаго изготовленія, яйца и очень объемистый графинъ водки, настоенный на какихъ-нибудь коркахъ. Любезный хозяинъ, приглашая гостей закусить, говоритъ нѣмецкую пословицу, которая гласитъ, что одинъ шнапсъ это не шнапсъ, два шнапса также не шнапсъ и только три шнапса составляютъ полшнапса. Молодежь, слушая такія остроумныя рѣчи, поучается, и графинъ опоражнивается живо. Такъ проходитъ время до обѣда. Ровно въ два часа денщикъ ставитъ на столъ борщъ изъ курицы, потомъ даетъ рубленныя котлеты и неизбѣжные сырники или блинчики. Гости кушаютъ съ большимъ аппетитомъ, то и дѣло прикладываясь къ графину. Послѣ сытнаго обѣда является потребность отдохновенія. Всѣ расходятся по квартирамъ до чая; вечеромъ снова идутъ къ эскадронному командиру. Тамъ устраивается пулъка въ преферансъ. Маіоръ, командующій дивизіономъ (два эскадрона), поселенный начальникъ и самъ хозяинъ играютъ скромно по копѣчкѣ. Молодежь группируется около другого столика, на которомъ красуется объемистая баклага бѣлаго рома. Услужливый денщикъ подаетъ неполные стаканы чая; ихъ пополняютъ ромомъ и пуншуютъ. Среди комнаты раздаются однообразные: куплю, удержу, пасъ, вистую и т. д. Кто-нибудь изъ игроковъ восклицаетъ: трубку! Изъ сосѣдней комнаты слышится металлическій звонъ шпоръ, точно кто-то кандалы волочитъ по полу и вѣстовой является съ длиннѣйшимъ черешневымъ чубукомъ. Молодежь, прихлебывая пуншъ, ужасно дымитъ изъ трубокъ, время отъ времени пуская густыя кольца. Разговоры идутъ, разумѣется, о «бердичевскихъ временахъ», когда существовали гусарскія дивизіи, молодецкихъ попойкахъ, шалостяхъ, лихихъ атакахъ, дуэляхъ и т. д. Поручикъ Н. съ жаромъ

передаетъ, какъ онъ, бывъ юнкеромъ, переѣзжалъ черезъ Грязную улицу въ Бердичевъ на жидѣ верхомъ за два золотыхъ; какъ онъ участвовалъ въ знаменитой похоронной процесіи генерала Рота ¹⁾), былъ членомъ «Янкеля регимента», находившагося подъ предѣдательствомъ извѣстнаго бердическаго собутыльника ротмистра Вилиша и т. д.

— Ахъ какъ это интересно! разкажите Н.,— приставали юные слушатели.

— Я пріѣхалъ въ полкъ юнкеромъ совѣмъ еще молодымъ,— говорилъ Н.—Явился къ начальству и, конечно, сдѣлалъ визиты всѣмъ, кому слѣдовало. Ротмистръ Вилишъ пригласилъ меня на вечерній чай. Я хотя рано пришелъ, но засталъ общество въ сборѣ. За длиннымъ столомъ, на которомъ красовалась чудовищныхъ размѣровъ миска съ жженкой, сидѣли молодые и старые гусары; передъ каждымъ изъ нихъ была чаша жженки. Ротмистръ Вилишъ игралъ на флейтѣ и всѣ подпѣвали: «Ich kann singen, ich kann singen, ich kann ein musikanten sein». Кто не могъ ясно выговорить послѣдней фразы долженъ былъ выпивать чашу жженки. Слово musikanten sein очень трудно было выговорить пьяному, языкъ заплетался. Я послѣ первой же чаши былъ приговоренъ выпить другую и вскорѣ свалился подъ столъ. Это былъ мой первый дебютъ при вступленіи въ общество названное «Янкель региментъ»,—добавилъ Н.

Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Одинъ молодой корнетъ, грустно вздыхая, сказалъ:

— Къ сожалѣнію, у насъ въ полку мало осталось коренныхъ гусаръ бердичевскихъ временъ, все больше молодежь.

— Да они всѣ наперечетъ,—замѣтилъ Э.,—нашъ полковой поэтъ поручикъ С—чъ, описывая современное состояніе полка выразился объ одномъ изъ бывшихъ членовъ «Янкель регимента» такъ:

«Обломокъ Янкель регимента, О—скій мертвую занялъ,
«Гусарамъ новаго завѣта свос презрѣнныя подарилъ».

¹⁾ Сохранилось много анекдотовъ о гусарской стоянкѣ въ Бердичевѣ. Нѣкоторые изъ нихъ очень забавны. Надо знать, что корпусный командиръ Ротъ былъ очень строгъ и взыскивалъ за самыя незначительныя мелочи. Въ одинъ прекрасный день гусарскіе офицеры ему устроили такую шалость. Добыли очень парадный гробъ, покрыли его траурнымъ покровомъ, и съ музыкой, игравшей похоронный маршъ, тронулись по улицамъ Бердичева. Когда процессія проходила мимо оконъ Рота, онъ полюбопытствовалъ узнать: Кого хоронять?—Генерала Рота,—былъ отвѣтъ. Или на замѣчаніе генерала одному, офицеру, почему мундштукъ его лошади не достаточно хорошо пригнанъ, офицеръ отвѣчалъ: «Мундштукъ-то хорошо пригнанъ ваше превосходительство, да ротъ никуда не годится». Въ такомъ родѣ было много шалостей, которыя, несмотря на строгость Рота, сходили съ рукъ и всегда оканчивались домашнимъ образомъ безъ грустныхъ послѣдствій для шалуновъ.

— А скажите, что это за происшествіе было съ графиней Б.?— спрашивалъ М.—З.,—у насъ въ Петербургѣ о немъ много говорили.

— Надо вамъ знать, что до революціи 30 года, какъ поляки величаютъ этотъ бунтъ, насъ принимали помѣщики-поляки, но послѣ этого повстанія и казни Канарскаго въ Вильнѣ, двери гостиныхъ для насъ закрылись. Мы всѣ были сданы въ разрядъ ненавистныхъ москалей, на которыхъ паны и паненки смотрѣли съ величайшей злобой. Графиня Б, въ этомъ отношеніи отличалась особенно. Разъ какъ-то, общество офицеровъ на нѣсколькихъ тройкахъ пріѣхало въ имѣніе графини и представьте себѣ: эта гордая панна имѣла дерзость передать офицерамъ чрезъ своего маршала, что она не желаетъ принять московскихъ слугъ. Офицеры, разумѣется, дали слово отблагодарить спѣсивую панну. Первый разъ, когда она пріѣхала въ Бердичевъ въ своей каретѣ, запряженной по-краковски цугомъ, гусары остановили ея экипажъ среди улицы и пропустили справа по одному внутрь кареты, съ одной дверцы въ другую ординарческую команду и всѣхъ трубачей. Можете себѣ представить, что дѣлалось съ гордой польской аристократкой, когда тяжелыя солдатскія сабли всѣхъ ординарцевъ и трубачей колотили ее по ногамъ. Графиня была страшно оскорблена и лично жаловалась корпусному командиру; но дѣло ничѣмъ не кончилось: виновныхъ не нашли.

Въ такихъ бесѣдахъ проходилъ вечеръ; но вотъ пулька кончается и слышится голосъ эскадроннаго командира:

— Прокопчукъ! ужинъ готовъ?

— Готовъ ваше благородіе, — отвѣчаетъ денщикъ.

— Давай!

И хозяинъ приглашаетъ гостей закусить.

Опять на сцену являются рубленыя котлеты, ветчина и къ нимъ прибавляется польское блюдо клюецки съ сыромъ¹⁾, или традиціонные вареники. Иностранныхъ винъ къ ужину не полагается. Кому угодно можетъ прикладываться къ графину. Гости, разумѣется, не брезгаютъ отечественнымъ нектаромъ. Маіоръ и ротмистръ подаютъ примѣръ субалтернамъ и субалтерны отъ нихъ не отстаютъ. При сей вѣрной оказіи опять идутъ въ ходъ всякія нѣмецкія и русскія прибаутки въ родѣ: «ѣдетъ чижики въ лодочкѣ въ адмиральскомъ чинѣ, не выпить ли водочки по этой при-

¹⁾ Это самое любимое польское блюдо, всѣми поляками отъ простаго шляхтича до магната. Ключечки приготавливаются такимъ образомъ: кусокъ тѣста раскатывается скалкой и мелко крошится на ковалки (кусочки), опускается на короткое время въ кипятокъ, чрезъ рѣшето процеживается, чтобы не было воды, затѣмъ смѣшивается съ свѣжимъ творогомъ и обливается шкварцами, т. е. кусочками свиного сала, поджареннаго на сковородкѣ. Сало непременно должно быть съ шкуркой. Ключечки съ сыромъ считались національнымъ польскимъ блюдомъ. Они дѣйствительно очень вкусны.

чинѣ», или «одинъ шнапсъ это не шнапсъ» и т. д. Молодежи все это кажется очень гусарскимъ и она старается отличатся. Денщикъ Прокопчукъ то и дѣло наполняетъ опороженный графинъ. Бесѣда мало-по-малу оживляется. Поселенный начальникъ рассказываетъ, какъ ему попало отъ графа Никитина за то, что скирды были сложены не по формѣ. Дивизионеръ въ сотый разъ передаетъ съ самыми мельчайшими подробностями, какъ онъ разъ на маневрахъ, не разслыхалъ сигнала и перепуталъ команду. Ротмистръ съ ужасомъ припоминаетъ, какъ унтеръ-офицеръ его эскадрона, Давыдовъ, являлся ординарцемъ къ корпусному командиру безъ помпона на киверѣ. «Говорилъ ему, — рассказывалъ ротмистръ, — не шпорь «Яблочка», нѣтъ-таки сдѣлалъ по своему, не утерпѣлъ, долбануль, ну тотъ ему и соорилъ козла: помпонъ-то и вылетѣлъ, я только успѣлъ его поднять, а тутъ команда: смирно! и корпусный прикатилъ въ коляскѣ на плацъ. Что же бы вы думали? Все вышло за первый сортъ, корпусный не замѣтилъ, что помпона-то не было на киверѣ; даже похвалилъ Давыдова. Я его тоже похвалилъ, но всыпалъ малую толику для того, чтобы впередъ былъ умнѣе», — добавилъ лихой ротмистръ, наливая себѣ водки. Корнеетъ, произведенный изъ юнкеровъ, очень оживленно передаетъ, какъ на царскомъ смотрѣ, на маневрахъ, спотыкнулась на полныхъ рысяхъ его лошадь и надломилось дерево штандарта и т. д.

Такъ изумительно однообразно проходили наши дни. Читать книги или газеты не было въ обыкновеніи. Бѣздить къ помѣщикамъ Кіевской и Подольской губерній мы не рѣшались: ясновельможные паны, по выраженію старыхъ гусаръ, «смотрѣли на насъ чертями»; они принимали русскихъ офицеровъ черезчуръ непривѣтливо, хотя кавалерійскіе полки въ тѣ времена были переполнены поляками. Въ А. гусарскомъ полку нашей бригады весь штабъ состоялъ изъ поляковъ: адъютантъ, казначей, квартирмейстеръ, командиръ ординарческой команды и самъ полковой командиръ были поляки. Даже докторъ, студентъ Виленскаго университета, былъ ярый полякъ. Русскаго языка не существовало: говорили по-французски или по-польски. Магнаты, на время притихнувшіе, посылали своихъ сыновей служить въ русскихъ полкахъ, отчасти руководствуясь правиломъ, внушеннымъ имъ ксензами, что цѣль оправдываетъ средства, отчасти и потому, что сыновья, получившіе офицерскіе чины, служили защитой ихъ маентностей. Въ Варшавѣ въ это время былъ оберъ-полиціймейстеромъ генераль А—чъ—гроза всѣхъ повстанцевъ. Когда онъ проѣзжалъ по улицамъ города, то всѣ ратоборцы за ойчизну спѣшили спрятаться и, горе было тому, кто попадался на глаза грозному А—чу, да еще въ конфедераткѣ. Разговоръ всегда бывалъ самый короткий.

— Въ службѣ былъ?—спрашивалъ генераль конфедератку.

— Нѣтъ, ясновельможный пане.

— Казаки, взять его и велѣть въ части насыпать сотню бизуновъ!

Такимъ образомъ, служба въ русскомъ войскѣ иногда спасала отъ большихъ непріятностей. Пань знали это и, скрѣпя сердце, отправляли своихъ панычей въ русскую службу. И надо отдать справедливость полякамъ, они были отличные кавалеристы и очень исполнительны по службѣ. Полякъ командиръ всегда отличался своей жестокостью, дралъ солдатъ не на животь, а на смерть, что въ тѣ времена считалось военной доблестью. Съ своими крѣпостными хлопами поляки также обращались немилосердно сурово. Вотъ одинъ изъ сотни примѣровъ. Корнетъ П. утромъ всегда имѣлъ обыкновеніе посѣщать конюшню. На обязанности крѣпостнаго кучера его Веридона (не католикъ—православный—схизматикъ) лежало убирать тройку вороныхъ лошадей. Корнетъ П., придя въ конюшню начиналъ изслѣдовать хорошо ли они вычищены. Панычъ доставалъ изъ кармана бѣлый платокъ и имъ водилъ противъ шерсти лошадей и, если на платкѣ оказывалась пыль, П—скій бралъ длинный бичъ, приказывалъ Веридону снять верхнее платье и говорилъ:

— Чемужъ коней не шановаль?

— Якъ же пане,—вопилъ Веридонъ.

Но вопли несчастнаго не помогали, бичъ свистѣлъ въ рукахъ паныча и спина схизматика превращалась въ рубленную котлету.

И такія экскурсіи въ конюшню П—скій совершалъ каждый день, когда бывалъ дома.

Несмотря на кажущуюся исполнительность по службѣ, поляки того времени не всегда были вѣрны присягѣ, какъ показали послѣдствія. Отъ присяги ихъ разрѣшали ксендзы, пользовавшіеся громаднымъ вліяніемъ въ польскомъ обществѣ. Устами пана ксенза всегда гласила истина. Если ксензъ входилъ въ гостиную, гдѣ было большое общество, тотчасъ всѣ пань, панни и паненки, вставали и прикладывались къ его рукѣ. Я, разумѣется, не буду описывать прошлое, хорошо извѣстное русскому обществу изъ официальныхъ документовъ 1861, 62 и 63 годовъ, замѣчу лишь одно, что поляки моего времени далеко не всѣ оправдали свое реномэ хорошихъ служакъ. Многіе изъ моихъ товарищей ушли въ банды, а нѣкоторые изъ нихъ угодили и на висѣлицу. Одинъ изъ моихъ товарищей, именно корнетъ С—кій, въ пятидесятыхъ годахъ вышелъ въ отставку и былъ выбранъ предводителемъ дворянства. Должность эту Викентій Доминиковичъ (такъ звали С—скаго) исполнялъ два трехлѣтія и былъ на самомъ лучшемъ счету. Къ нему постоянно съѣзжались всѣ окружные помѣщики, и онъ ихъ угощалъ на славу, какъ истинный магнатъ-хлѣбосоль. Въ глазахъ начальства эти съѣзды дворянъ, разумѣется, не имѣли

другого значенія, кромѣ желанія дворянъ обсуждать свои нужды. С—скій былъ очень богатый панъ и его дворецъ былъ открытъ для всѣхъ и каждого. Въ обширныхъ комнатахъ его дворца на самомъ видномъ мѣстѣ висѣлъ большой портретъ покойнаго государя. На столахъ лежало множество нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ журналовъ, дозволенныхъ цензурою. Панъ маршалокъ постоянно получалъ цѣлые тюки товаровъ изъ Австріи. Въ тюкахъ всегда была посуда, ковры, вина и другія вещи. Таможенные чиновники, зная благонамѣренность Викентія Доминиковича, почти не осматривала тюки, адресованные на его имя. Но разъ случился такой казусъ. Изъ имѣнія С—скаго на станцію желѣзной дороги былъ доставленъ тюкъ для отправки въ Августовскую губернію, на имя какого-то пана-помѣщика. Въ то время революція уже вспыхнула. Паненки не успѣвали вышивать всѣхъ знаменъ свободы для повстанцевъ. Власти начали смотрѣть въ оба. Предводительскій тюкъ былъ положенъ на платформѣ въ ожиданіи прихода поѣзда. Прохаживающемуся тутъ жандарму показался страннымъ этотъ тюкъ, имѣвшій какую-то длинную, неуклюжую форму. «Что бы тамъ могло быть?» думалъ жандармъ и сталъ пристальнѣе разсматривать тюкъ. Сквозь войлокъ онъ ощущалъ что-то твердое и продолговатое. Неужели ружья?—думалъ жандармъ. Да нѣтъ этого быть не можетъ, тюкъ присланъ изъ предводительскаго имѣнія. Все же посмотрѣть не мѣшаетъ, рѣшили солдаты и отправился къ начальнику станціи. На бѣду начальникъ станціи былъ полякъ и самый усердный поклонникъ пана маршалка. Заявленіе жандарма его посмѣшило, и онъ рѣзко отвѣчалъ, что не намѣренъ вскрывать предводительскаго тюка. Между тѣмъ пришелъ поѣздъ и тюкъ благополучно отправился по назначенію. Но солдаты не успокоились, пошелъ къ офицеру и сообщилъ ему свои подозрѣнія. Полетѣли телеграммы и тюкъ былъ вскрытъ. Въ немъ оказались ружья новой системы, револьверы и патроны. Къ пану маршалку, совершенно для него неожиданно, нагрянули съ обыскомъ и нашли большой складъ оружія, патроновъ, чумарокъ, конфедератокъ и цѣлыя кипы революціонныхъ воззваній къ патріотамъ. Разумѣется С—го арестовали. Слѣдствіе раскрыло, что онъ былъ однимъ изъ главныхъ организаторовъ повстанія въ извѣстномъ районѣ. Судъ приговорилъ его повѣсить, что и было исполнено.

Обращаясь снова къ нашему полковому житью-бытью, я долженъ повторить, что оно не отличалось разнообразіемъ. Польская шляхта, одѣтая въ русскіе мундиры, проводила весело время, разѣзжая по деревнямъ сосѣднихъ помѣщиковъ, а мы сидѣли въ эскадронѣ скучнѣйшаго военнаго поселенія и не пользовались никакими развлеченіями. Весной ходили въ полковой кампаментъ, лѣтомъ пускали лошадей въ степь на траву, а осенью собирались въ корпусный кампаментъ. Во время кампаменты начиналась

служба и для субалтернъ-офицеровъ; они бывали на ученіяхъ и дежурили по полку. Но такихъ развлеченій въ году было только два мѣсяца, остальное время всѣ жили по эскадронамъ, буквально ничего не дѣлая. Именно въ такіе-то часы одуряющей скуки и затѣвались дуэли, почти всегда подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и самого оригинальнаго понятія о чести. Помню, разъ, послѣ корпуснаго кампанета, поздней осенью, эскадронный командиръ М. устроилъ у себя попойку. Необходимо замѣтить, что обильное уничтоженіе водки при килькахъ и рубленныхъ котлетахъ не считалось кутежомъ; хотя одуряющее свойство отечественнаго напитка, конечно, поспорить со всѣми иностранными винами, тѣмъ не менѣе водка изгонялась совсѣмъ во время кутежей; если кому-нибудь приходила фантазія пропустить рюмочку отечественной, онъ отправлялся къ денщику Прокопчуку, а на столъ водки не было. Когда гусары кутили, они обыкновенно употребляли ромъ, портеръ англійскій и шампанское. Но самый излюбленный напитокъ былъ жженка. Она готовилась такимъ образомъ. Нѣсколько бутылокъ бѣлаго рома вливалось въ мѣдный тазъ, или миску, туда клали апельсиновъ и разныхъ специй. Ромъ зажигали и на положенные сверхъ миски клинки сабель клали большіе куски сахара. Когда сахаръ весь растаявалъ, пламя заливали хорошимъ лафитомъ и шампанскимъ; выходила смѣсь, но смѣсь очень вкусная и страшно дѣйствующая на голову. Достаточно было выпить одинъ стаканъ, чтобы опьянѣть. Слабый субъектъ послѣ двухъ стакановъ жженки терялъ способность ворочать языкомъ и издавалъ лишь какія-то бессмысленныя мычанья. Послѣ третьяго, члены его парализовались окончательно, и онъ какъ трупъ валился подъ столъ. Болѣе крѣпкіе впадали въ особенный экстазъ, въ нихъ пробуждались разрушительныя, даже кровожадныя инстинкты. Они стремились разносить цѣлые кагалы жидовъ, бить окна, портить вывѣски, устраивать дуэли, или играть въ кукушку. Попойка, устроенная эскадроннымъ командиромъ М., разумѣется, сопровождалась традиціонной жженкой и, къ несчастью, имѣла роковыя послѣдствія.

Но прежде всего мы должны познакомиться ближе съ главными героями кровавой драмы. Эскадронный командиръ М. былъ шведъ и, если не ошибаюсь, получилъ образованіе въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ бретѣрство было развито до чудовищныхъ размѣровъ. М., разумѣется, заразился этимъ духомъ и, сдѣлавшись кореннымъ гусаромъ, сталъ смотрѣть на дуэли, какъ на священнодѣйствіе. Очень добрый отъ природы и честный, М. никогда не былъ подстрекателемъ, но если вызовъ на дуэль состоялся, онъ считалъ долгомъ не препятствовать благородной раздѣлкѣ. Вообще, ротмистръ М., при всей его честности, даже и въ то время былъ крайне отсталый человѣкъ, чтобы не сказать дикій. Пору-

чикъ Н. считался добрымъ малымъ, какимъ въ сущности онъ и былъ. Корнетъ М. З. внушалъ крайнюю симпатію всѣмъ и каждому. При первомъ его появленіи, онъ сразу заслужилъ любовь товарищей и расположеніе полкового командира, очень суроваго остзейскаго барона. Высокій ростомъ, стройный, красавчикъ собой, остроумный, веселый, М. З.—скій не могъ не нравиться. Иное дѣло корнетъ Э. Антипатичнѣе этого созданья трудно себѣ представить что-либо. Происходя изъ одесскихъ грековъ, разбогатѣвшихъ торгашествомъ, Э. отличался фатовствомъ, или правильнѣе наглостью среды, которая его вывела. Высокій ростомъ, тонкій, какъ шесть, съ узкими плечами, мелкими чертами лица и вѣчно бѣгающими мышиными глазками, этотъ одесскій грекъ не могъ внушить ничего, кромѣ отвращенія. При всемъ этомъ, манеры Э. были ужасны, онъ имѣлъ обыкновеніе, засунувъ руки въ карманы, не ходить такъ, какъ всѣ люди ходятъ, а прыгать какими-то гигантскими шагами и немилосердно стучать своими черезчуръ длинными шпорами. Такой товарищъ, разумѣется, не могъ понравиться хорошо воспитанному и изящному М — ру З — му. Онъ сразу осмѣялъ Э., взявъ его, какъ говорится, на язычокъ. Этимъ дѣло и могло бы кончиться, потому что хитрый одесскій грекъ избѣгалъ столкновенія съ М. З.—мъ. Но, къ сожалѣнію, послѣдній имѣлъ самыя странныя понятія о чести и призваніи гусарскаго офицера. Наслышавшись раньше восторженныхъ разсказовъ о бердичевскихъ безобразіяхъ, онъ во что бы то ни стало рѣшилъ сдѣлаться кореннымъ гусаромъ. Къ этому была одна дорога—дуэль, онъ и сталъ ее искать. Какъ милый и добрый юноша, М. З. не искалъ столкновений съ товарищами, которые были ему симпатичны и накинудся на одесскаго грека. По несчастному стеченію обстоятельствъ, все способствовало дуэли. Утромъ въ тотъ день, когда была назначена попойка у эскадроннаго командира М., корнетъ Э. ѣздилъ на своей лошади въ манежѣ, М. З. съ остальными офицерами также былъ въ манежѣ. Э. былъ самый плохой ѣздокъ, его посадка на лошади была не красива, а управлять лошадыю онъ и совсѣмъ не умѣлъ. Офицеры втихомолку улыбались, глядя на плохого ѣздока, а юный М. З. безъ церемоніи громко хохоталъ, чего Э. не могъ не замѣтить. Такимъ образомъ, въ этотъ несчастный день съ самаго утра все подготовлялось для дуэли. Эскадронный командиръ зналъ объ этомъ и еслибы принялъ мѣры, то катастрофа не разыгралась бы. Прежде всего ему не слѣдовало затѣвать кутежа. Юнаго М. З. надо было удалить изъ 6 эскадрона, перевести въ другой, подальше отъ Э. Но М. ничего подобнаго не сдѣлалъ, напротивъ, онъ самъ принялъ участіе въ дуэли, какъ увидимъ ниже. Таковы были времена. Бывшій дерптскій студентъ, повторяю, смотрѣлъ на дуэль какъ на какое-то священнодѣйствіе, культъ, а помѣшать ей считалъ преступленіемъ.

Вечеромъ, когда всѣ собрались за чашей пуншевой, М. З. на-
кинулся на корнета Э., точно молодой орелъ на пресмыкающееся.
Кромѣ нашихъ офицеровъ, въ кутежѣ принимали участіе и пріѣзжіе
изъ другихъ эскадроновъ. Это послѣднее обстоятельство еще болѣе
способствовало злорадству М. З—го. Ему хотѣлось при всѣхъ про-
учить хвастливаго грека и себя показать лихимъ гусаромъ-дуэли-
стомъ. Присутствовавшіе офицеры старались образумить М. З—го.
Но ничто не помогало. Э. въ свою очередь попробоваль-было увиль-
нуть, обратить все въ безобидную шутку, но и это не удалось.
Выпитая жженка совсѣмъ отуманила умственные способности юнаго
бретѣра. Надо знать, что корнетъ Э. скрывалъ свое греческое про-
исхожденіе и всѣмъ мало его знавшимъ говорилъ, что онъ чисто-
кровный испанецъ — Лаперузо донъ Э. Именно на эту слабость
М. З. и напалъ.

— М., есть у тебя гитара?—спросилъ юноша эскадроннаго ко-
мандира.

— Зачѣмъ она тебѣ понадобилась?

— Я хочу просить испанскаго гранда сыграть что-нибудь на
его національномъ инструментѣ,—продолжалъ М. З.

— Успокойся, между нами нѣтъ испанскихъ грандовъ.

— Какъ! а г. Э., развѣ онъ не испанскій грандъ?

— Я полагаю, что вопросъ о моей національности не можетъ
быть интересенъ ни для кого,—уклончиво замѣтилъ корнетъ Э.

— Напрасно вы такъ думаете, — не унимался М. З., — прежде
всего для меня онъ очень интересенъ. Я никакъ не могу понять
какимъ образомъ у испанскаго гранда можетъ быть гречанка мать,
торговавшая на одесскомъ базарѣ маслинами?

Э. словно ужаленный вскочилъ изъ-за стола и зашагалъ
по комнатѣ. Поздно онъ сообразилъ, что въ виду постоянныхъ
придиорокъ къ нему М—ра З—го, ему слѣдовало уклониться отъ ку-
тежа у М—ва и остаться дома. Теперь послѣ дерзости М—ра З—го
отступать было уже нельзя; товарищи могли счесть его за труса,
еслибы онъ вдругъ покинулъ ихъ компанію. Приходилось выдер-
жать до конца.

Побѣгавъ по комнатѣ, Э. остановился передъ М. З. и сказалъ:

— Вы слишкомъ много дѣлаете мнѣ чести, г. М—ръ, зани-
маясь не только моей метрикой, но и моими родными.

— Не особенно. Я только констатирую фактъ, всѣмъ извѣстный.
Развѣ не правда, что ваша мать торговала маслинами на одесскомъ
базарѣ?

— Это только одни слухи, а слухамъ не всегда можно вѣрить.
Вотъ я, напримѣръ, слышалъ, что ваша мать торговала кильками
на петербургскомъ рынкѣ.

М. З. въ свою очередь вспыхнулъ. Товарищи поспѣшили раз-
нять вразговѣ.

— Полноте, господа, толковать о небывалыхъ профессіяхъ вашихъ родительницъ, — вскричалъ штабсъ-ротмистръ Н., — лучше выпьемъ.

Враги, хотя и выпили, но не унялись. М. З. продолжалъ смѣяться надъ Э. и послѣ выпитаго стакана жженки наступалъ на него еще съ бѣльшимъ азартомъ.

— Я съ вами совершенно согласенъ, что слухамъ вѣрить не слѣдуетъ, — снова обратился онъ къ Э., — но иногда очевидные факты подтверждаютъ слухи. Вы хотя и выдаете себя за испанскаго гранда, но по вашимъ мужицкимъ манерамъ и полному отсутствію хорошаго воспитанія сейчасъ видно, что вы сынъ торговли, а не аристократки.

— Г. М. З. вы забываетесь и наносите мнѣ публичное оскорбленіе! — вскричалъ, позеленѣвъ, Э., — извольте взять назадъ ваши необдуманные слова и тотчасъ же извиниться передо мной, иначе...

— Что иначе? договаривайте.

— Я вынужденъ буду съ вами раздѣлаться.

— Словъ своихъ я назадъ не беру, — сказалъ М. З., сверкая глазами, — извиниться передъ вами также не намѣренъ и снова повторяю здѣсь, во всеуслышаніе при моихъ товарищахъ, что манеры у васъ нѣженскаго пиндоса, а не гусарскаго офицера. Вы страмите мундиры наши! Я буду очень счастливъ, если судьба дастъ мнѣ возможность вычеркнуть васъ изъ списка офицеровъ А—го полка.

Послѣ этихъ дерзостей, всѣ объясненія уже были лишними. Корнетъ Э., выходя изъ комнаты, пригласилъ поручика Н. на пару словъ. Вскорѣ Н. вернулся и объявилъ М-ру З—му, что Э. вызываетъ его на дуэль, на пистолетахъ. М. З., разумѣется, принялъ вызовъ и тутъ же просилъ ротмистра М. быть его секундантомъ.

Между тѣмъ, попойка продолжалась, какъ будто ровно ничего не случилось. Штабсъ-ротмистръ Н. игралъ на флейтѣ малороссійскую пѣсню «віють вітры, віють буйные», и вся компанія подпѣвала. Вспоминая бердичевскія времена, М. рассказывалъ въ чемъ заключается игра въ кукушку. Гусары бросали жребій: кому быть стрѣлкомъ, кому кукушками. Стрѣлокъ становился среди темной комнаты съ заряженнымъ пистолетомъ въ рукахъ, остальные крались по стѣнамъ и кричали «куку». При этомъ словѣ раздавался выстрѣлъ, но представлявшій кукушку, крикнувъ «куку», спѣшилъ перебѣгать на другое мѣсто; такимъ образомъ несчастные случаи бывали рѣдко, а если они случались, то ихъ относили къ простой неосторожности и дѣло кончалось ничѣмъ. Когда уже стала занимать заря, М. З. сказалъ:

— По моему, господа, дѣла откладывать не слѣдуетъ; съ разсвѣтомъ я бы желалъ покончить съ испанскимъ грандомъ.

— Твое желаніе неудобноисполнимо по двумъ причинамъ,—сказаль М.,—первое надо имѣть согласіе Э., а второе—у насъ пистолетовъ нѣтъ.

— И ту и другую причину устранить очень легко. Пистолеты можно взять казенные изъ цейхауза. Что же касается до согласія Э., то я надѣюсь, что нашъ уважаемый товарищъ Н. не откажетъ взять на себя трудъ переговорить съ Э.

Хитрый грекъ, разумѣется, согласился драться съ утренней зарей; ему былъ расчетъ такъ поступить. М. З. всю ночь пьянствовалъ, а онъ былъ трезвъ.

Когда Н. передалъ результатъ своихъ переговоровъ съ Э., М. З. сказалъ:

— Ну и прекрасно, Мы пока еще выпьемъ, а тѣмъ временемъ и совсѣмъ разсвѣтетъ.

Опорожнивъ весь тазъ жженки, стали готовиться.

— М—ръ, ты, можешь быть, хочешь писать письма?—спросилъ М.

— Слѣдовало бы написать къ матери на всякій случай, да не могу, очень пьянъ,—отвѣчалъ юноша.

— Ну какъ знаешь. Н. сходи къ Э., уже совсѣмъ свѣтло, да кстати спроси его, желаетъ ли онъ стрѣляться изъ казенныхъ пистолетовъ?

Н. возвратился и сообщилъ, что Э. на все согласенъ.

— Въ такомъ случаѣ отправимся,—сказаль М.— Я полагаю, что можно устроить дѣло въ моемъ садикѣ за хатой. Ты какъ думаешь М—ръ?

— Мнѣ все равно.

— Знаешь, оно лучше, а то надо будить кучера, лошадей запрягать, много шума, да и люди уже пошли на уборку, могутъ увидать и скажутъ: куда это господа пошли? Дома скромнѣе.

Противъ этихъ доводовъ возраженій не послѣдовало.

— А вы, господа, развѣ не хотите посмотрѣть?—обратился М. къ тремъ офицерамъ гостямъ, сидѣвшимъ у стола.

— Нѣтъ, мы лучше портеромъ займемся,—отвѣчали гости.

— Въ такомъ случаѣ до свиданія!

— До свиданія.

М. З. и его секунданты ушли.

Позади хаты эскадроннаго командира былъ небольшой вишневый садикъ, огороженный плетнемъ. Тамъ уже были корнетъ Э. и поручикъ Н. Когда зарядили пистолеты, М. сказалъ, обращаясь къ соперникамъ:

— Господа, я бы просилъ васъ покончить миромъ это при-
скорбное недоразумѣніе. Никто не смѣетъ сомнѣваться въ вашемъ благородствѣ и храбрости. Подайте другъ другу руки, какъ добрые товарищи, и дѣлу конепъ.

— Я согласенъ, — отвѣчалъ Э., — но съ тѣмъ, чтобы корнетъ М. З. взялъ свои слова назадъ и извинился.

— Ни того, ни другого исполнить не желаю! — вскричалъ запальчиво М. З.

Секунданты отмѣрили восемнадцать шаговъ и по срединѣ положили сабли, обозначавшія барьеръ въ шесть шаговъ. Соперникамъ вручили пистолеты и просили приготовиться къ командѣ. М. З., весь розовый отъ выпитой жженки, безопасно улыбался; его юное, красивое лицо выражало скорѣе счастье, чѣмъ испугъ. Точно онъ пріѣхалъ куда-нибудь на пикникъ въ окрестностяхъ Петербурга. Когда ему подали громаднхъ размѣровъ кремневый унтеръ-офицерскій пистолетъ, онъ расхохотался и сравнилъ его съ стѣнбобитнымъ орудіемъ. Э, напротивъ, былъ блѣденъ и серьезно сосредоточенъ. Н. въ свою очередь попробовалъ примирить враждующихъ, но опять безъ успѣха. М. З. рѣшительно объявилъ, что своихъ словъ не беретъ назадъ и извиняться не желаетъ. Тогда медленно раздалась команда: разъ, два, три. М. З., какъ-то порывисто бросился впередъ къ барьеру, Э. же остался на мѣстѣ и въ ту же минуту выстрѣлилъ. Густое облако дыма легло между врагами. Сначала послышался стонъ, потомъ душу раздирающій крикъ. Несчастный М. З., отброся далеко въ сторону пистолетъ, катался по землѣ, обхвативъ животъ обѣими руками. Раненаго тотчасъ подняли и понесли въ кабинетъ къ М—ву, положили на кровать и раздѣли. Оказалось, что онъ раненъ въ животъ, откуда торчали порванные кишки. Только теперь догадались послать за докторомъ въ штабъ. Сначала М. З. метался и страшно кричалъ, жаловался, что ему жжетъ внутри, потомъ будто успокоился и впалъ въ безпамятство. Болѣе двухъ часовъ онъ былъ въ такомъ положеніи. Наконецъ, началась агонія и онъ умеръ именно въ тотъ моментъ, когда входилъ полковой докторъ.

Въ сосѣдней комнатѣ, присяжные собутыльники продолжали доканчивать портеръ. Флейта играла и слышались пьяные голоса.

«Віють вітра, віють буйные...» Корнетъ Э. куда-то скрылся.

Такъ погибъ прелестный юноша, единственный сынъ нѣжно-любившей его матери. Погибъ потому, что среда постаралась исказить его понятія.

Корнетъ Э. и оба секунданта разумѣется были преданы суду. Императоръ Николай I-й конфирмовалъ это дѣло такъ. Корнета Э., какъ вынужденнаго защищать свою честь, подвергнуть церковному покаянiю. Секунданта, поручика Н., заключить въ крѣпость на четыре мѣсяца, а ротмистра М., принимавшаго участіе въ дуэли, тогда какъ онъ, какъ прямой начальникъ, обязанъ былъ воспрепятствовать ее, и дозволившаго взять казенные пистолеты, разжаловать въ рядовые съ назначеніемъ въ С. уланскій полкъ.

Кстати, разскажу еще объ одной дуэли, происшедшей въ И-мъ

гусарскомъ полку нашего корпуса между двумя молодыми офицерами, въ свое время надѣлавшей много шума. Полковой квартирмейстеръ поручикъ З. былъ очень друженъ съ однимъ изъ субалтернъ-офицеровъ, именно корнетомъ К. Оба молодыхъ человѣка отличались честностью, умомъ и прекраснымъ воспитаніемъ. Юнкерами они жили вмѣстѣ на квартирѣ и питали другъ къ другу самую искреннюю дружбу. Впослѣдствіи, когда они были произведены въ офицеры, З. получилъ должность квартирмейстера, и постоянно жилъ при полковомъ штабѣ. К., пріѣзжая изъ эскадрона въ штабъ, всегда останавливался у своего товарища и друга З. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Весь полкъ ставилъ въ примѣръ дружбу этихъ молодыхъ людей. Ничто не нарушало ихъ пріятельскихъ отношеній до тѣхъ поръ, пока въ полкъ не былъ присланъ изъ II. корпуса нѣкто Г. восточный человѣкъ. Неизвѣстно по какой причинѣ, Г. не влюбилъ З—бу, и сталъ интриговать противъ него. На общество офицеровъ, любившее З—бу, вновь испеченный корнетъ Г. конечно вліять не могъ; онъ повелъ атаку съ другой стороны. Узнавъ о дружбѣ корнета К—ва съ З., онъ постарался заискать дружбу К. и сталъ исподоволь возстановлять его противъ З. К. былъ юноша слабохарактерный, увлекающійся и очень горячій. Г. началъ увѣрять его, что З. человѣкъ фальшивый, двуличный, въ глаза говоритъ одно, а за глаза совсѣмъ другое, что З. крайне тяготеетъ посѣщеніями его, К—ва, что онъ, пріѣзжая изъ эскадрона къ нему на квартиру, крайне стѣсняетъ его, что К. дармоѣдъ и любитъ жить на чужой счетъ и т. д. и д. все въ этомъ родѣ. Интрига подѣйствовала. К. пересталъ заѣзжать къ З. Послѣдній, любя искренно К., недоумѣвалъ, что за причина перемѣны къ нему его товарища. Къ несчастью К. при своей безхарактерности и впечатлительности, былъ еще и скрытенъ. Восточный человѣкъ, сообщая ему всѣ эти нелѣпости о З., взялъ съ него честное слово никогда и никому не говорить о нихъ. Вотъ почему К. уклонялся отъ всякихъ объясненій съ З., который былъ въ полномъ недоумѣніи и никакъ не могъ разрѣшить вопроса почему К. явно его избѣгаетъ. Между тѣмъ, восточный человѣкъ продолжалъ дѣйствовать и, какъ капля воды продалбливаетъ камень, наконецъ, достигъ своей цѣли. Разъ онъ сказалъ такую нелѣпую грязь о З—бѣ, что К. рѣшился послать къ нему вызовъ на дуэль. Секундантомъ былъ приглашенъ тотъ же восточный человѣкъ. Переговоры начались далеко не въ примирительномъ духѣ. Г. безпрестанно подливалъ масла въ огонь, и довелъ К. до степени полной, непримиримой ненависти къ его бывшему другу З—бѣ. Дуэль была рѣшена, товарищи старались прекратить эти раздоры, но вліяніе Г. пересилило: К. не хотѣлъ слышать о примиреніи и публично объявилъ, что если З. не будетъ съ нимъ стрѣляться, то онъ, К., дастъ ему при всѣхъ пощечину. Послѣ этого З. уже не оставалось дру-

гого исхода, какъ принять вызовъ. Въ назначенный часъ соперники и ихъ секунданты сошлись въ условленномъ мѣстѣ. Секундантомъ у З. былъ Н., а у К—ва, корнетъ Г. изъ кавказскихъ горцевъ. Поручикъ П. употреблялъ всѣ средства, чтобы примирить враговъ, доказывалъ полное отсутствіе оскорбленія. З. въ свою очередь клялся всѣмъ священнымъ для него, что онъ и въ помысленіяхъ никогда не держалъ оскорблять К—ва, котораго искренно уважаетъ и любитъ, какъ самаго лучшаго своего товарища, — ничто не помогло. Присутствіе демона въ образѣ восточнаго чело-вѣка испортило все: Г. безпрестанно отводилъ К—ва въ сторону и что-то шепталъ ему на ухо. Переговоры кончились тѣмъ, что К—въ вкричалъ:

— Вы, кажется, трусите г. З?!

Тогда секундантъ Н., выведенный изъ терпѣнія негодемъ, мѣшавшимъ окончить дѣло миромъ, сказалъ:

— Нѣтъ г. К. вы ошибаетесь, З. не труситъ, но ему не хочется драться съ тѣмъ, кто является жертвой гнусной интриги.

— Значить, вы считаете меня интриганомъ?—закипятился горецъ.

— Да вы интриганъ и подлецъ!—былъ отвѣтъ.

— Значить, я могу надѣяться, что вы дадите мнѣ удовлетво-реніе?

— Значить, можете надѣяться.

— Въ такомъ случаѣ я попрошу васъ послѣ дуэли К. съ З. занять мѣсто одного изъ нихъ. Къ чему откладывать? Надо тотчасъ же кончить. Оскорбленіе черезчуръ велико!

— Я къ вашимъ услугамъ,—холодно отвѣчалъ Н.

Дуэль состоялась на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ обыкновенно стрѣлялись всѣ гусары: на восемнадцать шаговъ съ барьеромъ въ шесть шаговъ по срединѣ. Въ то время это было общепринятое правило для всѣхъ дуэлей на пистолетахъ.

Соперниковъ раставили по мѣстамъ, вручили каждому изъ нихъ по кухенрейтерскому пистолету и просили приготовиться къ командѣ. К. былъ красенъ какъ вареный ракъ, глаза его горѣли дикой ненавистью, рука съ пистолетомъ слегка дрожала. Но все это было не отъ страха, а вслѣдствіе шушуканья восточнаго чело-вѣка. Когда раздалась команда: разъ, два, три, К. выстрѣлилъ первый и далъ промахъ. З. блѣдный, но совершенно покойный, подошелъ къ барьеру. Онъ кротко сталъ уговаривать К. прекра-тить эту несчастную исторію, напоминая ему о ихъ долготѣней дружбѣ; наконецъ, если онъ К. желаетъ, то готовъ извиниться пе-редъ нимъ, хотя и не чувствуетъ за собой никакой вины. К. на-чалъ колебаться, опутивъ глаза, какъ вдругъ горецъ закричалъ:

— Подлецъ не тотъ, кто стоитъ за честь полка, а тотъ кто мараетъ мундиръ, тайно марая честныхъ офицеровъ.

К. встрепнулся, точно на него вылили ушатъ ледяной воды. Онъ поднялъ голову, засверкалъ глазами и вскричалъ:

— Да и я повторяю то же самое и если вы г. З. не будете стрѣлять, то я даю честное слово публично разбить вамъ физиономію, какъ самому низкому трусу и под....

Послѣднихъ словъ несчастный молодой человѣкъ не успѣлъ докончить. З. отвернулся и выстрѣлил; пуля попала прямо въ сердцѣ и вылетѣла чрезъ лѣвую лопатку. К. моментально упалъ и испустилъ духъ.

Настала очередь негодя, устроившаго всю эту печальную исторію. З. былъ возмущенъ убійствомъ любимаго товарища. Лицо его выражало искреннее, глубокое страданіе.

— Извините Н. я не могу вамъ уступить удовольствія отправить на тотъ свѣтъ этого негодя, по милости котораго я совершилъ вѣступленіе. Если я буду убитъ, конечно, вы займете мое мѣсто. Я предлагаю стрѣляться на шесть шаговъ по жребію.

— Я согласенъ,—отвѣчалъ горецъ,—но протестую противъ вашихъ ругательствъ, они недостойны порядочнаго офицера?

— Вы правы; я не долженъ былъ называть васъ вашимъ настоящимъ именемъ, но мерзости, которыя вы творили здѣсь, при мнѣ наговаривая на меня К—ву, заставили меня нарушить приличіе.

— Угодно вамъ угадывать?—спросилъ Н., вынимая изъ кошелька монету.

— Хорошо. Бросайте.

Монета взвилась кверху.

— Орелъ!—самоувѣренно вскричалъ горецъ.

— Вы не угадали—рѣшотка. Неудобно ли вамъ стать къ барьеру. Первый выстрѣлъ принадлежитъ поручику З—бѣ.

Съ восточнымъ человѣкомъ моментально произошла перемѣна. На шести шагахъ промаха сдѣлать невозможно самому плохому стрѣлку—горецъ все это сообразилъ и вдругъ точно весь осунулся. Глаза его потусклѣли, мускулы лица задрожали и вытянулись. По лицу З. горецъ видѣлъ, что настала его послѣдній часъ.

Но описывать ли этотъ скандалъ, небывалый въ лѣтописяхъ дуэлей? Какъ ни гадко, но слѣдуетъ сказать о немъ хотя нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что въ свое время эта исторія перешла изъ устъ въ уста и не составляла секрета.

Восточный человѣкъ, погубившій несчастнаго К—ва, нагло хваставшійся до самой послѣдней минуты, когда пришла его очередь стать на барьеръ, струсилъ и упалъ на колѣна передъ поручикомъ З—го....

Императоръ Николай I-й чрезвычайно мудро конфирмовалъ эту дуэль.

«Секунданта Н. посадить на одинъ мѣсяцъ въ крѣпость. Поручика З. никакому взысканію не подвергать, а корнета А—ли Г—я по лишеніи всѣхъ правъ состоянія сослать на двадцать лѣтъ на каторжную работу въ сибирскіе рудники».

Въ Б. гусарскомъ полку состоялась дуэль также между друзьями. Поручикъ Л. квартировалъ вмѣстѣ съ К. Б—мъ. Продавая свою верховую лошадь одному изъ своихъ товарищей Л. сослался на Б—ча, который будто бы могъ засвидѣтельствовать о ея достоинствахъ. Б. очень основательно отвѣчалъ, что не только за чужую, но даже и за свою лошадь онъ ручаться не можетъ. Изъ-за этого, какъ говорится, сыръ боръ загорѣлся, друзья преобразились во враговъ и стали у барьера. Б. выстрѣлилъ на ходу и перебилъ ногу Л—му. Послѣдній, падая на одно колѣно, пригласилъ Б—ча къ барьеру и выстрѣлилъ ему въ грудь. По счастливой случайности, пуля, пронизавшая его насквозь, не задѣла никакихъ важныхъ органовъ и Б. остался живъ, хотя долго болѣлъ.

Тотъ же Л—скій, въ 1849 году имѣлъ дуэль съ корнетомъ П еще совсѣмъ юнымъ офицеромъ. Дуэль эта очень характеристична по ея началу и концу. Въ круглой залѣ, когда-то знаменитаго Новотроицкаго трактира въ Москвѣ, гдѣ, по рассказамъ стараго полowego Терентія, кушали государи и иностранные короли, въ этой самой залѣ собралось общество гусарскихъ офицеровъ ѣсть знаменитую селянку съ растегаями и аршиннаго молочнаго поросенка подъ хрѣномъ. Въ числѣ офицеровъ былъ и Л—скій, въ то время уже штабсъ-ротмистръ и старшій ремонтёръ. Корнетъ П. познакомился съ Л. и сказалъ ему, что онъ переведенъ въ Б. гусарскій полкъ.

— Я васъ не поздравляю,—отвѣчалъ ему Л., разглаживая свои длинные усы,—хотя и самъ служу въ Б—мъ полку, но долженъ откровенно сказать, что у насъ хорошее все перевелось и осталась такъ себѣ какая-то дрянь.

— Это не дѣлаетъ вамъ чести, что вы такъ отзываетесь о вашихъ товарищахъ,—отвѣчалъ корнетъ П.,—многихъ я знаю и нахожу ихъ вполне достойными людьми.

— Вы можете нянчиться съ вашими симпатіями, какъ съ писаной торбой, а мнѣ прошу правоученій не читать. Не вамъ учить меня чести!

Дѣло, разумѣется, окончилось дуэлью. На другой день соперники, въ сопровожденіи своихъ секундантовъ, отправились въ «Скольникники» и близъ Ширяева поля заняли мѣста на площади. Штабсъ-ротмистръ Л. соглашался кончить миромъ, если П. извинится въ своихъ рѣзкостяхъ, но послѣдній отказался и смѣло выдержалъ выстрѣлъ Л—го, пуля котораго просвистала на одинъ вершокъ отъ головы П. въ тотъ моментъ, когда враги подходили къ барьеру. Затѣмъ корнетъ П. не пожелалъ стрѣлять въ Л—го и около барь-

ера произнесъ спичъ, сознавъ свою ошибку. Последнее обстоятельство рисуетъ военную молодежь того времени. Гордость, доходившая до щепетильности, не уничтожала благородства и чувства великодушія въ этихъ честныхъ юношахъ, понятія которыхъ, къ сожалѣнію, были такъ изуродованы окружавшей ихъ средой.

Лишнее говорить, что такой великодушный поступокъ юнаго П., хладнокровно выдержавшаго выстрѣлъ своего противника, сразу поставилъ его на линію лихихъ гусаръ и вызвалъ симпатіи какъ въ секундантахъ, такъ и въ Л—мъ. Въ особенности въ последнемъ. Недавніе враги, за минуту готовые хладнокровнѣйшимъ образомъ отправить другъ друга на тотъ свѣтъ,—вдругъ стали закадычными друзьями, обнимались, говорили одинъ другому комплименты и поспѣшили въ городъ пить брудершафтъ.

— Съ этихъ поръ,—ораторствовалъ усатый штабсъ-ротмистръ,—я объявляю моимъ лучшимъ другомъ корнета П. Горе всякому, кто осмѣлится подумать о немъ дурно—убью, какъ собаку! Ыдемъ?! я хочу выпить брудершафтъ съ моимъ благороднымъ другомъ.

И вся компанія помчалась обратно въ Москву. Попойка должна была произойти не въ ресторанѣ, не въ Новотроицкомъ трактирѣ, а въ Грузинахъ у цыганъ. Въ то время хоръ знаменитаго Ильюшки игралъ видную роль въ средѣ широко кутящей молодежи, въ особенности гусарскихъ офицеровъ. Безъ цыганъ ни одна исторія не обходилась. Иногда были исторіи и уголовного характера. Всѣхъ солистокъ и ребятъ требовали въ качествѣ свидѣтелей въ палату къ допросу. Не было примѣра, чтобы они провалились, показали не въ пользу забубеннаго кутилы. Въ хорѣ было много хорошенькихъ солистокъ съ жгучими глазами, передъ которыми широко раскрывались туго набитые бумажники русскихъ баръ-помѣщиковъ и военныхъ. Цыгане любили, когда щедрые кутилы пріѣзжали къ дядѣ Ильѣ или теткѣ Матренѣ. На квартирѣ много свободнѣе, чѣмъ въ трактирѣ. Можно продѣлывать всякія штуки съ охмелѣвшими гостями—постороннихъ свидѣтелей нѣтъ. Красавица Степа запоетъ чувствительный романсъ, сверкая своими выразительными глазами, и вдругъ почувствуетъ на своей груди, за лифомъ чью-то руку, а въ рукѣ пачку депозитокъ. Вспыхнетъ пѣвица, зардѣется вся, какъ маковъ цвѣтъ, и голосъ ея задрожитъ, рука мигомъ исчезнетъ, а пачка депозитокъ останется на бѣлой груди. У подгулявшихъ гостей являются разныя фантазіи, которыхъ постороннему глазу видѣть не слѣдуетъ. Штабсъ-ротмистру Л—му очень нравилось незамѣтно пускать за корсажъ хорошенькой Танюшѣ червонцы. Въ то время, когда она поетъ, онъ облокотится на спинку стула и опуститъ за ея шею червонецъ. Монета холодная скользнетъ по спинѣ цыганки, она невольно сдѣлаетъ движеніе и сфальшивитъ. Дирижеръ, не видя этихъ маневровъ, грозно кркнетъ на солистку, а штабсъ-ротмистру и любо, онъ еще опускаетъ червонецъ,

и еще, до тѣхъ поръ пока на спинѣ пѣвицы образуется нѣчто въ родѣ горба». — «Что вы дѣлаете несчастный, — прошепчетъ она краснѣя, — вѣдь мнѣ щекотно»!..

Брудершафтъ, разумѣется, былъ выпить, шампанское полилось рѣкой, цыгане пришли въ азартъ и лихо стали «рубить Ивушку подъ самый корешокъ». Отъ тетки Матрены подгулявшая компанія отправилась обѣдать въ Новотроицкій трактиръ и дальше, но тутъ имъ не посчастливилось, всѣ четверо гусаръ были арестованы и посажены на Ивановскую и Вознесенскую гауптвахты за нарушеніе общественной тишины и спокойствія.

Такъ непроизводительно тратилась нравственная сила людей, вполне достойныхъ и способныхъ къ иной благотворной дѣятельности.

Н. Поповъ.

